

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII–XXI СТОЛЕТИЙ

SEMANTIC AND STYLISTIC TRANSFORMATIONS
IN RUSSIAN LITERARY LANGUAGE
FROM THE 18TH TO THE 21ST CENTURIES

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВА, АННА ШИШОВА

ABSTRACT. Investigating the semantic and stylistic transformations of the meaningful language units functioning in a given epoch allows us to show the internal regularities of their evolution, their systemic nature, and conditionality on factors of a historically cultural character. Realizing the semantic potential of a word capable of the associative rethinking plays an important role in the organization of modern vocabulary.

Татьяна Николаева, Казанский университет, Казань – Россия, i.tarchevsky@mail.ru
Анна Шишова, Казанский университет, Казань – Россия, bowari@yandex.ru

Изменения в семантике и стилистической маркированности, приведшие к появлению новообразований, всегда исторически обусловленный процесс, который заслуживает особого изучения с учетом того, что в разные периоды языковой эволюции он проявлял себя наиболее ярко и значимо в разных лексических пластах: 1) XVIII – начало XIX вв. – преобразование отношений между церковнославянскими и исконно русскими элементами, способствующее метафоризации и, как следствие, появлению новых синонимических рядов; 2) XIX–XX вв. – адаптация заимствований, которые, подвергаясь переосмыслению, активно участвуют в процессе складывания общезыковой нормы; 3) XX–XXI вв. – демократизация, одним из проявлений которой являются семантико-стилистические преобразования ненормативной лексики.

1) В XVIII столетии складываются новые соотношения в стилистической системе литературного языка, которые устанавливаются в результате утраты маркированности „высокого“, связанной с распадом церковно-книжного стиля, что привело к семантическим преобразованиям лексем и формированию новых синонимов. Сыграли свою роль и потребности в номинациях, соответствующих действительности, вызванных бурным развитием социально-экономической, общественной и культурной жизни.

Особенно выразительны были глаголы, способные образовывать длинные синонимические ряды, например: *восстать* – *воспрянуть* – *возбудить* – *пробудить*, где первые три глагола оказываются объединенными церковнославянской приставкой *воз-/вос-*, сыгравшей роль стилистического маркиратора. На раннем этапе, как свидетельствует *Словарь русского языка XI–XVII вв.*¹, указанные глаголы были объединены общностью исходного значения – ‘будить от сна, поднять (с постели)’. В эпоху Киевской Руси глагол *восстати* (*встати*) уже функционировал с трансформированным значением ‘выступить, подняться против кого-л., на кого-л.’: „*Вставшее* (здесь и далее курсив мой – Т. Н.) новгородци избиша варягы” (*Лавр. лет.*, 140, 1201). По аналогии с *восстати* глагол *возбудити* в XVI веке стал обозначать ‘побудить к каким-либо действиям’. Семантическая адекватность исходного значения всех четырех глаголов, входящих в синонимический ряд, способствовала их сближению, определяя в глаголе *воспрянуть* новое значение. Однако этот процесс начался только в XVIII веке. Своеобразным переходом к приобретению глаголом *воспрянуть* новой семантики явилось использование М.В. Ломоносовым его фонетического варианта в известной *Оде на день восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны*: „На трон взошла Петрова дочь... О утра час благословенный! Мы в скорбной темноте заснули. Но в радости от сна *воспрянули*”. Яркую публицистическую окраску глагол *воспрянуть* приобретает в творчестве А.С. Пушкина – „*Россия воспрянет* ото сна”, а впоследствии – в известном пролетарском гимне „*Воспрянет* род людской”.

Глагол *пробудить*, составляющий древнюю семантическую параллель глаголам синонимичного ряда, по аналогии с ними, с конца XVIII века развивает новое, вторичное значение ‘вызывать чувства, мысли, порождать, усиливать’. „Бедствия *пробуждают* в душе множество прекрасных свойств” (К.Н. Батюшков), „Восторги дух мой *пробудили*” (Е.А. Боратынский).

Новое звучание глагольных образований *восстать* – *воспрянуть* – *возбудить* – *пробудить* было реализовано в жанре революционной публицистики и в гражданской лирике во второй половине XIX века.

В XX–XXI вв. наблюдается семантический распад синонимического ряда слов. Со значением призыва, побуждения к гражданским действиям употребляется лишь глагол *восстать*, хотя сегодня его можно отнести к архаизмам; пережив вторичную метафоризацию, *возбудить* ныне используется для передачи нервного и физиологического состояния, кроме того, в качестве члена неразрывного словосочетания – в юриспруденции: *возбудить* дело; *воспрянуть* функционирует в со-

¹ *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, „Наука”, Москва 1975.

четании с существительным *дух* в творительном падеже как средство создания иронии; малоупотребительный глагол *пробудить* помечен в современных словарях как „устаревший”².

2) Семантико-стилистическую трансформацию, приведшую к появлению новообразований, целесообразно проиллюстрировать на примере заимствований, которые проходили адаптацию на русской почве в XVIII–XIX веках. Это был процесс, отличающийся исключительной неадекватностью: с одной стороны, засилье французского, с другой — стремление избавиться от излишних иностранных слов. В этой связи необходимо вспомнить декрет, изданный при Павле I в 1797 году, „Об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими”, в котором вместо лексемы *сержант* рекомендовалось употреблять *унтер-офицер*, вместо *граждане* — *жители* или *обыватели*, вместо *приверженность* — *привязанность*, *усердие*, лексему *общество* предлагалось вообще изъять из обращения.

Лексема *патриот* (фр. *patriote*) встречается впервые в эпоху Петра I в значении ‘сын отечества’: „Того ради побужден некоторый верный *патриот* из Российского народа... сие рассуждение на свет выдать”³. В первой половине XIX века, наряду с сохранением основного значения, лексема приобретает специализированную семантику: ‘отечестволюбец, любитель отечества, рачитель, ревнитель о пользе отечества’⁴, которая ассоциируется с революционными идеями о свободном человеке, гражданине, что находит свое отражение в творческом наследии А.Н. Радищева и декабристов. К 20-м годам XIX века лексема получает больший объем, обозначая в реакционных кругах русского общества лиц либеральных взглядов, убеждений: „Банкротство дворянства, продажность правосудия и крепостное право — вот элементы, которые русские *патриоты* считают возможным использовать в подходящий момент, чтобы возбудить волнения в пользу конституции”, — так пишет директор канцелярии III отделения М.Я. фон Фок в конце 20-х годов⁵. Именно с этой семантикой она используется А.С. Пушкиным в *Евгении Онегине*: „Скажите, чем он возвратился? Что нам представит он пока? Чем ныне явится? Мельмотом, Космополитом, *патриотом*, Гарольдом, квакером, ханжой, Иль маской щегольнет иной?”. Однако у А.С. Пушкина *патриот* используется и с окраской иронии, сарказма:

² *Словарь русского языка в 4-х тт.*, Институт русского языка АН СССР. „Русский язык”, Москва 1981–1984.

³ Н.А. С м и р н о в, *Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в Петровскую эпоху*, „ОРЯС АН” 1910, т. 88, № 2, с. 222.

⁴ Н. Я н о в с к и й, *Новый словотолкователь, по азбучному порядку расположенный*, ч. 3, Санкт-Петербург 1803–1806, с. 285.

⁵ В. О р л о в, *Русские просветители*, Москва 1961, с. 300.

„Некоторые люди не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества... и со всем тем почитают себя *патриотами*, потому что любят ботвинью и что дети их бегают в красной рубашке”⁶. Подобное стилистическое маркирование способствовало тому, что именно в пушкинскую эпоху появляются сочетания, в которых *патриот* сопровождается эмоциональным оценочным атрибутом с отрицательной экспрессией: *самозванный, невпопад усердный, квасной, восторженный*. Впоследствии подобные сочетания использовал в публицистике В.Г. Белинский, и это обстоятельство сыграло свою роль в приобретении словом *патриот* в конце XIX столетия негативной окраски. Во всяком случае в словарях эту лексему ставили в кавычки в знак неприятия ее с позитивным значением. Об этом писал И.А. Бодуэн де Куртенэ: „Теперь принято различать *патриота* без кавычек и *патриота* в кавычках”. В *Предисловии к Словарю Вл. Даля* он замечает: „Слова *патриот, патриотизм* получили огромный и карательный оттенок”⁷. У А.М. Горького: „Переезжайте в Петербург. У меня там есть хороший знакомый, видный адвокат, неославянофил, т. е. империалист, *патриот*, немножко идиот” (*Жизнь Клим Самгина*). В настоящее время *патриот* используется только с положительной коннотацией.

Еще более тернистый путь прошла лексема *революция*, прежде чем приобрести гражданское звучание. Малоизвестен тот факт, что первоначально она адаптировалась на русской почве, обозначая астрономическое понятие — „течение звезд”, и была запрещена к употреблению императором Павлом I в специальном Указе, адресованном Академии наук. В конце XVIII — начале XIX столетий слово пережило семантическую трансформацию и могло обозначать как „внезапную перемену” в правлении какого-то народа”⁸, так и вообще *переворот* в любой сфере человеческой деятельности. Именно такой семантикой наделяет его М.Фасмер, возводя к латинскому *revolutio* (через польский *rewolucja*)⁹. Насколько *революция* трудно адаптировалась на русской почве с указанным значением, свидетельствует следующее высказывание А.С. Шишкова: „Никогда в Российском языке доселе не означало оно сего понятия (*переворот* — Т. Н.)”¹⁰.

⁶ *Словарь языка Пушкина в 4-х тт.*, Институт языкознания АН СССР, Москва 1956–1959.

⁷ И.А. Бодуэн де Куртенэ, *Предисловие к 3-му изданию „Словаря живаго великорусского языка” Вл. Даля*, Москва 1903, с. 4.

⁸ Н. Яновский, указ. соч., с. 129.

⁹ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка в 4 тт.*, „Прогресс”, Москва 1964–1973.

¹⁰ А.С. Шишков, *Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка*, Санкт-Петербург 1803, с. 184–185.

Процесс семантико-стилистической трансформации заимствований активизировался в начале XX века. Так, в *Толковом словаре военных слов*, вышедшем в Праге в 1914 году, французское (из греческого) *демагог* традиционно трактуется как 'название людей в древней Греции, которые держали народ в своих руках благодаря своему личному влиянию и силе слова'. Однако еще в 80-е годы прошлого столетия словари фиксируют новое значение: 'революционер, представитель народной партии'¹¹. В Словаре Даля дается более яркая эмоционально-экспрессивная окраска: 'крайний демократ, добивающийся власти во имя народа, тайный возмутитель, поборник безначалия, желающий ниспровергнуть порядок управления'¹². Негативную оценочность слово приобретает в практике партийной пропаганды, для которой были характерны ложь, извращение фактов, бессмысленные априорные рассуждения, не основанные на конкретных данных, что послужило причиной для вторичной переквалификации лексемы, отсюда — ее современная трактовка: 'человек, занимающийся лживыми обещаниями, искажением подлинной сути событий, рассуждениями, построенными на одностороннем осмыслении'¹³.

Подверглась преобразованиям и лексема *будировать*, которая из-за фонетического сходства с *будить* начинает использоваться не с французским значением 'дуться, сердиться', а 'будить, пробуждать к действиям, протесту'¹⁴. Подобное функционирование не стало нормой, чему, вероятно, способствовало высказывание В.И. Ленина, направленное против неправильного толкования этого слова в статье „Об очистке русского языка“: „Употребляют слово «будировать» в смысле возбуждать, тормошить, будить. Но французское слово «boudier» (будэ) значит сердиться, дуться...”¹⁵. Однако в современной речевой практике достаточно широко распространено его использование с несвойственным ему, ошибочным значением.

Творческая интеллигенция в эмиграции активно выступала против использования иностранных слов, в том числе — в семантизированном варианте, и предлагала их переводы на русский язык: *телефон* — *дальносказ*, *кондитерская* — *сластезная*, *вокзал* — *стан*, *адъютант* — *попыхач*, *кроссворд* — *крестословица* и др. Любопытно, что слово *интеллигент*, зафиксированное в Словаре Даля¹⁶ со значением 'умственно раз-

¹¹ Н. Я н о в с к и й, указ. соч., с. 20.

¹² В. Д а л ь, *Толковый словарь великорусского языка*, 3-е изд., Москва 1903–1905.

¹³ *Словарь русского языка в 4-х тт.*, указ. соч.

¹⁴ Б. Л и н с к и й, *Политический словарь*, Санкт-Петербург 1906.

¹⁵ В.И. Л е н и н, *Об очистке русского языка*, [В]: его же, *Полное собрание сочинений*, т. 40, Москва 1958, с. 49.

¹⁶ В. Д а л ь, указ. соч.

витой человек', не воспринималось в среде дореволюционных государственных деятелей. Так, С.Ю. Витте цитирует высказывание государя Николая II: „Как мне противно это слово (*интеллигент* — Т. Н.), следует приказать Академии наук вычеркнуть его из словаря”¹⁷.

3) Процесс демократизации русского литературного языка, начавшая с XX века, наиболее ярко проявлялась в проникновении нейтральных слов в словарный состав представителей различных социальных групп, которые подверглись переосмыслению. В 1908 году появился *Словарь В.Ф. Трахтенберга „Блатная музыка”* („воровской жаргон”) под редакцией Бодуэна де Куртенэ. В предисловии к Словарю ученый высказал мысль о необходимости изучения „тайного языка”, „жаргона тюрьмы”, или „блатной музыки”, составляющей „достоверный материал для психолога, для этолога (теоретика или историка этики или нравственности), для юриста, для исследователя народной словесности и прежде всего для лингвиста или языковеда”¹⁸.

На жаргоне мошенников денежные купюры назывались *барашиками*, у шулеров выигранные деньги — *игрушками*, а находящиеся еще у владельца — „пассажира” — *кровью*. Отсюда *пустить кровь* — обыграть, *пошла кровь носом* — партнер начал расплачиваться. Кредитные билеты разного достоинства: рублевый — *кенарь*, иногда — *канарейка*, трехрублевый — *попугай*, пятирублевый — *петух*, десяти- — *карась* (по красному цвету), тысяча — *коса*.

В Словаре — множество семантически преобразованных, ранее нейтральных слов, ставших новообразованиями и приобретших эмоционально-стилистическую маркированность: *жулик* — ножик, *чердачок* — жилетный карман, *собачка* — височный замок, *подсолнух* — золотые часы, *колёса* — сапоги, *борзой* — предатель, *шпана* — коренное тюремное население (возможно, от *шпанка* — порода овец, которые в стаде кажутся серыми и однообразными). Этот список пополняет ряд глаголов и глагольных сочетаний: *капать* — доносить, *загнать в бутылку* — раздражить, вывести из себя, *дать винта* — убежать, *арапа заправлять* — не платить долгов, *заливать* — врать, *завести волюнку* — выразить протест, *загнать* — продать. Как видим, некоторые из них активно функционируют и в современном русском литературном языке в качестве эмоционально окрашенных, ставших нейтральными лексем.

Снятие запретов, свобода слова в сегодняшней коммуникации привели к тому, что жаргонная лексика беспрепятственно появляется в статьях на серьезные экономические, общественно-политические

¹⁷ С.Ю. В и т т е, *Воспоминания. Царствование Николая II*, т. 2, Скиф Алекс, Москва 1994, с. 27.

¹⁸ И.А. Б о д у э н д е К у р т е н э, *Предисловие к Словарю В.Ф. Трахтенберга „Блатная музыка”*, Санкт-Петербург 1908.

темы, в материалах о политических лидерах и представителях власти. Со стороны газет на читателя обрушиваются ненормативные лексемы с целью подвергнуть критике то или иное явление, показать недостатки нашей действительности. Это — *бабло, бабки, тусовка, прикольно, засветиться, халявщик, понтоваться, клёвый, барыга, баланда, легавый, сходняк, жулик, лох, бакланить* и другие, зафиксированные в современных словарях с пометой „разговорное”. Тем самым они демонстрируют процесс, обратный тому, который был характерен для прежних эпох: происходит нейтрализация жаргонизмов, арготизмов, эфемизмов и переход их в разряд нормативных образований, тем самым пополняется и обогащается словарный запас литературного языка XX–XXI вв.¹⁹ Указанную тенденцию подтверждают данные лексиконов В.М. Мокиенко²⁰. Ценность их в том, что словарные статьи сопровождаются основательными этимологическими изысканиями и комментариями исторического характера. Среди действующих новообразований *баптист* — бабник, *тюльпан* — глупый, ограниченный человек, *сверхурочница* — замужняя проститутка, *шлифовать* — ласкать женщину, *кукурузник* — гомосексуалист.

Историко-культурологический подход к исследованию семантико-стилистических трансформаций убеждает в том, что реализация семантического потенциала слова, способного к ассоциативному переосмыслению, метафоризации, ярко проявляла себя в разные периоды формирования и становления русского литературного языка в различных пластах лексики и сыграла чрезвычайно важную роль в организации современного словарного фонда.

Библиография

- Б о д у э н д е К у р т е н э И.А., *Предисловие к Словарю В.Ф. Трахтенберга „Блатная музыка”*, Санкт-Петербург 1908.
- Б о д у э н д е К у р т е н э И.А., *Предисловие к 3-му изданию „Словаря живаго великорусского языка” Вл. Даля*, Москва 1903.
- В и т т е С.Ю., *Воспоминания. Царствование Николая II*, т. 2, Скиф Алекс, Москва 1994.
- Д а л ь В., *Толковый словарь великорусского языка*, 3-е изд., Москва 1903–1905.
- Л е н и н В.И., *Об очистке русского языка*, [в]: его же, *Полное собрание сочинений*, т. 40, Москва 1958.
- Л и н с к и й Б., *Политический словарь*, Санкт-Петербург 1906.

¹⁹ Г.Н. С к л я р е в с к а я, *Толковый словарь русского языка конца XX века*, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург 1998.

²⁰ В.М. М о к и е н к о, *Словарь русской бранной лексики*, Dieter Lenz Verlag, Berlin 1995; его же, *Словарь русской брани*, Норинт, Санкт-Петербург 2003.

- Мокиенко В.М., *Словарь русской бранной лексики*, Dieter Lenz Verlag, Berlin 1995.
- Мокиенко В.М., *Словарь русской брани*, Норинт, Санкт-Петербург 2003.
- Орлов В., *Русские просветители*, Москва 1961.
- Скляревская Г.Н., *Толковый словарь русского языка конца XX века*, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург 1998.
- Словарь русского языка XI-XVII вв.*, „Наука”, Москва 1975.
- Словарь русского языка в 4-х тт.*, Институт русского языка АН СССР, „Русский язык”, Москва 1981-1984.
- Словарь языка Пушкина в 4-х тт.*, Институт языкознания АН СССР, Москва 1956-1959.
- Смирнов Н.А., *Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в Петровскую эпоху*, „ОРЯС АН” 1910, т. 88, № 2, с. 222.
- Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка в 4 тт.*, „Прогресс”, Москва 1964-1973.
- Шишков А.С., *Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка*, Санкт-Петербург 1803.
- Яновский Н., *Новый словотолкователь, по азбучному порядку расположенный*, ч. 3, Санкт-Петербург 1803-1806.